

НАРОДЫ ЗАРУБЕЖНОЙ АЗИИ

Древнетюркский словарь, Л., 1969, XXXVIII+676 стр.

Необычайно ценное научное пособие получили не только тюркологи, но и широкий круг специалистов, научные интересы которых так или иначе связаны с проблемами изучения языка, истории культуры и быта тюркских народов. Этот фундаментальный труд продолжает славную традицию русской и советской тюркологии в изучении тюркской исторической лексикографии, начатом в нашей стране более 100 лет назад¹. Первостепенное значение среди работ, посвященных этой проблематике, имеют такие, ставшие классическими труды, как двухтомный «Сравнительный словарь турецко-татарских наречий» (1869—1871 гг.), составленный Л. З. Будаговым (переиздан в 1960 г.); четырехтомный «Опыт словаря тюркских наречий» (1888—1911 гг.), автором которого был акад. В. В. Радлов (переиздан в 1963—1964 гг.). Словари Л. З. Будагова и В. В. Радлова не потеряли своей научной значимости и сейчас, однако со времени их издания в научный обиход вошло большое число вновь открытых памятников древнетюркской письменности, в ряде случаев было пересмотрено чтение и толкование отдельных мест в текстах. В связи с этим еще в довоенные годы по решению Академии наук СССР под руководством С. Е. Малова началась работа по составлению картотеки материалов по древнетюркским языкам.

Работа над рецензируемым словарем была возобновлена в 1958 г. Инструкцию по составлению словаря разработал А. К. Боровков. Он же возглавлял группу составителей до своей внезапной смерти в 1962 г. «Древнетюркский словарь» представляет собой свод лексики, которая сохранилась в многочисленных тюркоязычных памятниках VII—XIII вв., изданных за последние 80 лет в СССР и других странах. Помимо корпуса словаря, который содержит около 20 000 слов и устойчивых словосочетаний, включая имена собственные, географические и этнические наименования, и словарных статей к ним работа имеет Предисловие (стр. III—V), знакомящее читателя с историей создания этого монументального труда. Во Введении (стр. VI—XVIII) дается общая характеристика источников, рассказывается о словнике, структуре словарных статей, а также о способе графической передачи древнетюркского языкового материала. Большую научную ценность представляет Список источников (стр. XXI—XXXVIII), содержащий краткую характеристику каждого из них (время и место создания, нынешнее местонахождение, характер содержания), указываются основные издания каждого памятника.

В «Словаре» зарегистрированы почти все слова, встречающиеся хотя бы в одном из древнетюркских памятников. Каждая словарная статья содержит, как правило, 2—3, иногда 4—5 цитат из памятников для более полного раскрытия значения слова или особенностей его лексического и грамматического окружения. В тех случаях, когда слово заимствовано из другого языка, указывается источник заимствования.

Словарь имеет четыре приложения: I. Список слов с указанием их диалектальной принадлежности по словарю Махмуда Кашгарского. II. Указатель грамматических форм (аффиксов и аналитических конструкций) по древнетюркским памятникам VII—XIII вв. Необходимо особо отметить, что в этом указателе учтены и грамматические формы, выявленные в процессе работы над «Словарем». В Примечании III дана пагинация изданий словаря Махмуда Кашгарского на турецком и узбекском языках, соотнесенная с пагинацией факсимильного и наборного изданий рукописи. В Приложении IV приводятся отдельные слова и выражения, пропущенные в основном корпусе, а также дается уточнение значений некоторых слов, этимологий и т. п.

Даже краткое изложение содержания «Древнетюркского словаря» показывает его огромную научную ценность. Всестороннюю оценку этой фундаментальной работы дать крайне сложно, не хотелось бы отметить те стороны этого труда, которые имеют особое значение для тюркологов-этнографов.

Многие словарные статьи содержат большой материал, интересный для этнографов. В первую очередь это относится к статьям о наименованиях тюркских родов и племен, а также к статьям о родо-племенных подразделениях ряда народов, с которыми древние тюрки сталкивались на огромной территории, которую они занимали в VII—XIII вв. То же самое можно сказать о статьях, посвященных терминологии родства, религиозной терминологии и т. д. В словаре приводится много названий и терминов, связанных с хозяйственным бытом древних тюрков, различными разделами материальной и духовной культуры. В этом отношении особенно нужно отметить богатство лексики, связанной с кочевым образом жизни древних тюрков и со скотоводством.

Без преувеличения можно сказать, что материалы «Словаря» в ряде случаев воссоздают довольно полную картину повседневной жизни древнетюркских племен и народов.

¹ Первым словарем подобного типа был изданный в 1868 г. В. В. Вельяминовым-Зерновым анонимный словарь среднеазиатского «чагатайского» языка «Абушка». См.: В. В. В е л ь я м и н о в - З е р н о в, Словарь джагатайско-турецкий, Спб., 1868.

Однако одним этим его значение не исчерпывается. Проблемами этногенеза любого народа, историей их культуры и быта невозможно заниматься без привлечения лингвистических материалов². Основные этапы этнической истории какого-либо конкретного народа не могут не отразиться на его языке, вызывая определенные изменения в фонетической структуре, грамматическом строе и главным образом словарном составе³. В этом отношении «Древнетюркский словарь» также является неординарным пособием для этнографов-тюркологов. В турецком языке, например, имеется несколько пластов языковых заимствований. И если заимствования из греческого, а также армянского, курдского и некоторых других языков сравнительно просто датируются временем пребывания анатолийских турков на территории Малой Азии⁴, то о времени и месте заимствований из арабского, иранских и ряда других языков лингвисту судить трудно. С выходом в свет «Словаря» эта задача в значительной степени облегчается. Сконцентрированная в «Словаре» лексика древнетюркских письменных источников дает возможность тюркологам-этнографам более четко и ясно выяснить древнюю тюркскую основу многих этнографических терминов и названий, а в случаях их заимствования — относительно верно определить время и место этих заимствований.

Значительны и неоспоримы достоинства «Словаря», но в процессе дальнейшей работы необходимо уточнить значение ряда слов, дополнить лексический материал; об этом, кстати, говорили и другие рецензенты⁵. К сожалению, в «Словаре» не обращено внимание на вопросы языковой, а следовательно, в какой-то степени и этнической принадлежности памятников древнетюркской письменности. В вводной части составители оговаривают это: «Тюркская языковая область в период создания памятников, послуживших источниками словаря, — несомненно представляла собой обширный регион самостоятельных языков и диалектов. Поскольку классификация памятников и их языковой принадлежности пока отсутствует и цитаты в словарных статьях не могли быть подобраны по принципу отражения употребления слов в разных древнетюркских языках и диалектах, языковое разнообразие текстов не нашло отражения в словарной статье ДТС» (стр. VIII). Сказанное справедливо лишь отчасти. Действительно, до настоящего времени нет классификации древнетюркских языков и диалектов. Однако уже в широко известном словаре средневекового филолога Махмуда Кашгарского (XI в.) была предпринята первая попытка классификации тюркских языков⁶. В одной из своих работ о памятниках древнетюркской письменности С. Е. Малов писал: «Если раньше молчаливо признавали один язык всей орхоненисейской письменности, то теперь, при постепенном детальном изучении, выявляются некоторые языковые разности памятников, например Тоньюкука с р. Селенги, Кюль—Тегина с р. Орхона (Е. И. Убратова), енисейских (на что указывал еще и П. М. Мелиоранский)»⁷. Ряд памятников древнетюркской письменности, согласно авторитетному мнению ведущих тюркологов, написан на одном, определенном древнетюркском языке. Так, например, енисейские памятники считаются написанными на древнекыргызском языке⁸. Единодушно мнение тюркологов, что такие памятники, как «Кутадгу билик» Юсуфа Баласагунского (XI в.) и ряд других написаны на древнеуйгурском языке⁹.

Выход в свет «Словаря» знаменует собой определенный этап в истории советской тюркологии и наряду с этим открывает новые большие перспективы ее развития, одной из которых, по нашему мнению, могла бы стать разработка классификации древнетюркских языков и диалектов. Хотелось бы поблагодарить всех, кто принимал участие в работе над «Древнетюркским словарем», в первую очередь его редакторов и составителей, а также поздравить их с большим вкладом в советскую и мировую тюркологию.

В. П. Курылев

² С. А. Токарев, К постановке проблем этногенеза, «Сов. этнография», 1949, № 3, стр. 18, 35—36.

³ Н. А. Баскаков, Введение в изучение тюркских языков, М., 1962, стр. 108—112.

⁴ Д. Е. Еремеев, Язык как этногенетический источник (из опыта лексического анализа турецкого языка), «Сов. этнография», 1967, № 4, стр. 68—69.

⁵ Э. Н. Наджип, Большое достижение советской тюркологии (К выходу в свет «Древнетюркского словаря»), «Народы Азии и Африки», 1970, № 2, стр. 178—179; P. Zieme, Drevnetyurkskij slovar, Red.: V. M. Nadeljaev, D. M. Nasilov, E. R. Tenišev, A. M. Šerbak, «Centr. Asiatic J.», vol. XIV, № 1—3, 1970, pp. 229—235.

⁶ Н. А. Баскаков, Указ. раб., стр. 132—133.

⁷ С. Е. Малов, Енисейская письменность тюрков. Тексты и переводы, М.—Л., 1952, стр. 6.

⁸ Там же, стр. 4; И. А. Батманов, Язык енисейских памятников древнетюркской письменности, Фрунзе, 1959, стр. 14.

⁹ С. Е. Малов, Указ. раб., стр. 7, 95—102; В. М. Насилов, Язык средневековых тюркских памятников уйгурского письма, «Вопросы языкознания», 1971, № 1, стр. 105.